

Валерий
БОСЕНКО

ПОРТРЕТ
Олега
ПОГУДИНА

*Для песни нужен тот,
кто наверное уже в России родился
и где-нибудь, под великий российский шумок,
растет...*

Марина Цветаева

Предыстория

Треть века назад глубокой зимней ночью под ослепительно звездным небом поезд мчал ватагу первокурсников ВГИКа к невшскому граду. То давнее путешествие из Москвы в город юношеской мечты было для них самых первым и потому сказочным, равным в те годы разве что полету на Луну. Впрочем, вектор их устремлений едва ли не был сходным.

Только что прочитавшая в институте студентам курс введения в будущую профессию будущий профессор Лидия Алексеевна Зайцева напевала своим питомцам в вагоне песни Булата Окуджавы, которые также ложились в фарватер как вводного курса, так и самой поездки. Их прекрасные и неведомые слова – единственные, что подходили моменту, – школяры ловили с лету, в упоении напевая следом.

Один из них, автор этих строк, чуть ли не замирая от восторга, сам не зная зачем, то и дело высказывал в пустой тамбур. Зашкаленного от прилива чувств, его могли бы остудить лишь ночные звезды, но те почему-то не спешили этого делать. И тогда он опрометью бросался назад в свой круг, не смыкавшийся в его отсутствие.

Градус пребывания в городе оказался ничуть не ниже. В своем кабинете с низкими потолками студентов принимал и говорил с ними на равных Георгий Товстоногов, главный режиссер уже тогда прославленного БДТ, не менее легендарный, чем сам город. Их радушно встречали на «Ленфильме» и в его музее. Заполняя вольные паузы, счастливые, они бродили по Невскому,

посещали кафе «Норд», а назавтра ныряли в гулкие залы питерских музеев, ждавшие, казалось, исключительно их. А еще они заводили первые знакомства, оказавшиеся впоследствии бессрочными, на всю жизнь.

Со всем молодецеством школяр внедрялся в иной, питерский быт, регулярно и столь же упоенно за свой студенческий век наезжая в город к единственным друзьям, а в конце концов, по окончании вуза, и вовсе переехал туда работать, рассчитывая, что навсегда, но оказалось – на время.

Ему немало пришлось изведать и пережить за эти годы. Впрочем, одного он так и не узнал и узнает очень и очень не скоро. А не знал он того, что, как сам переедет из Питера в другую обитель, именно здесь, в любимом им городе, уже родился герой этой книги. И вместе им обоим – если и не на одном асфальте, то в пределах той же городской или загородной черты – суждено было прожить первые пять лет жизни героя будущей книги.

А треть века спустя их сведет случай, не исключено, что и судьба в его личине. Ведь недаром же сказано Пастернаком: «...И чем случайней, тем вернее...» И случится это едва ли не по Ахматовой:

Я поднимаю трубку. Я называю город.

Мне отвечает голос, - какого на свете нет...

История

Не так давно в одной из майских окуджавских телепередач, приуроченных ко дню рождения поэта, показывали питерский телефильм «Посвящение» режиссера Галины Гамзелевой. Сюжет его вели давние друзья и соратники Булата Окуджавы – композитор Исаак Шварц и поэт Александр Кушнер. Но оказались там и имена новые, незнакомые – актеры молодого поколения. Актер драматический рассказывал, порою забавно, об Окуджаве в его юной жизни, лет эдак с пяти. А вокалист без лишних слов исполнил три песни автора.

Имя его также было неведомо. Но сразу же, с первого взгляда, внимание притягивал его облик – своей серьезностью, какой-то неотразимостью правоты, внутренней красотой и лишь затем бесспорными киногеничностью и сценичностью.

Первой мыслью было отнюдь не классическое: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!..» Прорвалось иное, близкое минорному ладу: «Вот и выросло в Питере новое актерское поколение, которого тебе уже не узнать. Поезд ушел...»

Минув год. Промелькнувшее в фильме имя вокалиста телевидение и другие информационные каналы напомнить как-то не спешили.

Однако уже будущей весной, словно спохватившись, один из телеканалов вдруг поставил в сетку отнюдь не рекламный, а потому и ненавязчивый музыкальный клип. Изображения его, вполне нейтрального, сейчас и не вспомнить. Но вот голос за кадром, на одной лишь фонограмме то самое:

«Динь-динь-динь, динь-динь-динь, колокольчик звенит...» - завораживал настолько, что, споткнувшись посреди комнаты у себя дома, автор этих строк прямо-таки застыл, забыв, куда и шел. Привычное жилое пространство приобрело вдруг совершенно иное измерение, с обыденностью не сопрягаемое.

Голос невидимого и неведомого певца действительно завораживал и, по меткому слову Николая Гумилева, обворожал. С первого же услышанного такта было ощущение точного попадания в образ – в тот самый *романтический образ отвергнутого любовника*, вне которого романсу не бывать. Вокалист воплощал собою лирический тенор и лирико-драматический баритон одновременно. Но даже не в этом редком сочетании заключалась суть. Голос исполнителя был такой красоты, само качество голоса было таково, что сравнить было попросту не с кем и не с чем. Да и «не сравнивай – живущий не сравним».

Наваждение от услышанного не проходило и впоследствии.

По счастью, осталась в записи прошлогодняя окуджавская передача с «Посвящением». Идентификация вышла успешной!

Точно, он! И имя его – Олег Погудин!

Дальнейшее развивалось стремительно и безотчетно. Имя питерские друзья и коллеги, разумеется, знали. Наудачу оказался у них и номер телефона, искомый еще неведомо зачем.

Звоню, и –

...Мне отвечает голос, - какого на свете нет...

Хроника

Первым услышанным мной концертом Олега Погудина была сольная программа певца в Политехническом музее в Москве в канун 200-летия со дня рождения А.С.Пушкина, полностью отведенная русскому классическому романсу.

Доставшийся счастливый билет на балкон сулил надежду переместиться поближе, однако такой удачи не выпало. Не только партер, но и все балконные ряды оказались заполненными. Поэтому слышать и видеть певца живые довелось из классического райка. О чем жалеть, однако, не пришлось.

Даже при взгляде издалека Олег Погудин поразил легкостью, если не летучестью, облика и юношеской грацией. Стоило же ему запеть, голос певца уже не давал отвлечься на что бы то ни было. От него исходила благотворная энергетика, проявлявшаяся прежде всего в вокале. К тому же он удивительно органично вписывался в XIX век, в его эстетику, в нравственную доминанту пушкинской эпохи. Как никто другой.

Эффект исполнения Олегом Погудиным классического романса пушкинской поры оставил яркие впечатления, которые со временем не стерлись. Молодой вокалист допускал такую степень художественной трактовки первоисточника, при которой чуть-чуть модернизировался, как показалось тогда с галерки, внешний строй произведения и трепетно сохранялась смысловая основа вещи. Потому-то русский романс и представлял у Олега Погудина в многоцветье некоего старинного витража, с которого исполнителем лишь была стерта вековая пыль, зато в самой его полифонии сохранялась палитра минувших столетий.

Эту особенность исполнения безошибочно ощущал переполненный зал Политехнического, отвечая певцу редкостным откликом – откликом благодарности. Точно так же реагировали на певца в московском «Меридиане», в питерском концертном зале «У Финляндского вокзала» и на других площадках.

Попутно этим погудинским концертам – совершенно не мотивированно, хотя и не беспочвенно, - вспомнилось о другом.

Когда-то, в начале прошлого века, девочка по имени Марина Цветаева спросила умирающую мать-пианистку про пьесу Шумана. Вопрос был наивно-детским, ответ же – грозно-роковым. «Warum, – спрашивала дочь, – у тебя Warum выходит по-другому?» «Warum – Warum? – рассеянно, но с завидной точностью мысли отвечала сгоравшая от чахотки мать, отвечала до всего, до всех русских бед, - вот когда вырастешь и оглянешься и спросишь себя, Warum все так вышло – как вышло, Warum ничего не вышло, не только у тебя, но у всех, кого ты любила... ничего ни у кого...»

Этот вольный перелет в смежную музыкально-литературную область не кажется настолько уж неуместным. ибо универсальная смысловая коллизия, выраженная уже зрелой Цветаевой, напрямую соотносима и с силовым полем романса, столь ценным, к слову, и великими русскими поэтами XIX–XX веков.

Есть у русского романса особенность, привитая прежде всего отечественной поэзией. Он неизменно высекает у слушателя слезу, которой позволено лишь блеснуть на ресницах. В том и отличие русского романса от, к примеру, цыганского, точнее от эстрадной цыганщины – специфической манеры ее исполнения, где обязателен некий эмоциональный «щипок», когда слеза непременно сползет по щеке нередко ресторанный слушателя. Отмеченный же

высоким вкусом и тактом классический романс оставит невыплаканные слезы по ту сторону век. То будут невидимые въяве слезы по несбывшемуся, утраченному, былому или же, напротив, слезы по некоему «может быть» – этому извечному ресурсу человеческой индивидуальности, который с годами истончается и сходит на нет.

Все это едва ли не физически было ощутимо на том самом, пушкинском концерте в Политехническом музее, когда между молодым исполнителем и публикой с лету была достигнута прочная духовная связь, о которой артист только и может мечтать.

Потому-то в своей эмоциональной одержимости открытием Олега Погудина я был отнюдь не одинок. В том порукой донине высоко держащий честь собственной марки зал Политехнического музея.

Недаром мой давний добрый знакомый Михаил Матвеевич Бабаев, с которым за родную юриспруденцию не стыдно, впервые услышав на кассете исполнение романсов Олегом Погудиным, сказал, нет – выдохнул: «Какой голос! И к тому же понимает, о чем поет». Златоуст и умница, Михаил Матвеевич невольно, насколько мне помнится, процитировал отклик Леонида Собинова на появление в Большом театре молодого Лемешева. Такое сочетание имен молодому исполнителю более чем лестно, ибо Олег Погудин считает Сергея Лемешева, наряду с Надеждой Обуховой, одним из своих учителей.

Что до наших первых встреч и разговоров с Олегом Погудиным, то они были вынужденно краткими и даже суховато-настороженными. Стараясь внутренне соответствовать ситуации, каждый из нас опасался ненароком оступить-

ся. Как точно подметила та же Марина Цветаева: первое время знакомства, дружбы, всего чего бы то ни... это всегда смутное время. Короче, эмоциональным излияниям места в них как-то не оставалось.

Что, как ни странно, и позволило возникнуть замыслу этой книги.

За последние годы об Олеге Погудине написано немало. То были отнюдь не редкие публикации, но статьи и интервью преимущественно в региональной, провинциальной российской и в зарубежной прессе, по маршрутам его гастролей. Одним словом, в источниках, большинству читателей певца не доступных. Поскольку столица не спешила допускать «чужака»-питерца на свои подмостки – мол, у нас своих пруд пруди, – то и московская пресса очень долго отмалчивалась, Олега Погудина не зная и зная не очень-то стремясь. Воистину, «мы ленивы и нелюбопытны».

Потребность же узнать о молодом исполнителе значительно больше, узнать из первых уст для сложившейся его аудитории была настоящей, начиная уже с первых концертов. Такой она остается и поныне. Сужу и утверждаю по собственному опыту.

Этой потребностью книга и вызвана.

И если вправе выносить ей посвящение, то посвящена она благодарной и искренней в своей благодарности погудинской публике, первой восхитившейся дивным талантом певца, его несравненным голосом –

...какого на свете нет...